

гуманной. Через послушание (obedience) пришло могущество (стр. 218). Свобода и государственный контроль? Взгляните на империю при Диоклетиане! Вот до чего довел человека государственный контроль, подавивший частную инициативу! Кстати, аналогичный смысл имеет, конечно, замечание Китто насчет планирования английской экономики. Польза и вред империи? И на это дает ответ история Рима, которая показывает, какие великие блага мира и безопасности обрели народы, вошедшие под сень империи. Наконец, цивилизация отсталых народов? Но именно в сообщении более высокой цивилизации и состояла «благородная миссия» римской империи. К таким выводам подводит Бэрроу своего читателя.

Так уясняется цель серии «Pelican books» в целом и в рецензируемых двух книгах — в частности. Они адресованы к массовому читателю, мало разбирающемуся в вопросах истории, к тому, кто, как говорит Китто, «затруднился бы сразу сказать, кто был раньше: Солон или Перикл». Книги этой серии выполняют задачу, которая поставлена перед всей буржуазной наукой силами международной реакции: обработать ум этого читателя в нужном для нее направлении. Для достижения этой цели буржуазные ученые не брезгают никакими методами: ни фальсификацией исторической действительности, ни подтасовыванием фактов, ни грубой модернизацией истории. Рецензируемые две книги представляют типичные образцы в этом отношении. Они представляют, кроме того, еще и некоторый специальный интерес, потому что обе написаны английскими буржуазными авторами. В свое время на страницах ВДИ помещались рецензии на соответствующие американские и французские издания. Здесь мы видим реакционную английскую модификацию фальсификации истории.

М. И. Рижский

ВРЕМЯ КОНСТАНТИНА В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Среди проблем, продолжающих привлекать особенно пристальное внимание буржуазных историков, одно из первых мест занимает история первой половины IV в. Сам по себе интерес к этому периоду вполне объясним. Период чрезвычайного обострения кризиса системы рабской эксплуатации и интенсивного развития колоната, несомненно, заслуживает всестороннего обследования. Круг вопросов, связанных с изучением этого времени, чрезвычайно обширен. Не говоря об упомянутой коренной проблеме упадка рабства и развития колоната, перед исследователем встает вопрос о все более назревавшем развале громадной Римской империи. Большой интерес приобретает и вопрос о попытках использования христианской церкви в качестве средства укрепления господства рабовладельцев. Наконец, актуален вопрос о движениях угнетенных масс и вторжений соседних народов — сил, которые в следующем столетии покончили с рабовладельческим строем на значительной части территории Римского государства.

Однако повышенный интерес современных буржуазных исследователей к этому времени проистекает из совершенно иных источников. В нашей литературе уже подвергались критическому анализу отдельные работы буржуазных историков о Константине: А. П. Каждан останавливался на книге Холзэппла «Константин Великий» и разоблачал попытки этого американского историка возродить католическую традицию в вопросе об отношении Константина к христианству¹. Однако так называемому «константиновскому вопросу» (la question constantinienne) посвящает свои исследования ряд других нынешних историков на Западе. Ознакомление с их работами свидетельствует о все более широком распространении в их среде

¹ ВДИ, 1950, № 1, стр. 170—172.

антинаучных, фидеистских, космополитических и иных реакционных взглядов. Содержание новых работ буржуазных историков по интересующему нас вопросу не исчерпывается попытками возродить католические традиции. Мы имеем в виду прежде всего книгу И. Фогта, а также работы К. Хенна, А. Альфельди, А. Пиганьоля и некоторых других историков. Взгляды большинства буржуазных авторов новых работ о Константине по наиболее существенным вопросам очень близки друг к другу, разделяемая всеми ими общая реакционная концепция полностью их объединяет. «Полемика» о Константине ведется вокруг второстепенных деталей, разногласия по которым не могут скрыть общей направленности работ всех этих историков. Они либо обходят важнейшие проблемы социально-экономической истории поздней Римской империи, которые в прошлом в какой-то мере ставились буржуазными учеными, либо совершенно их извращают. В центре внимания современных авторов — до крайности узкий круг вопросов. Это прежде всего личность Константина. Неслучайно почти все книги буржуазных историков об этом времени носят одно и то же название: «Константин Великий». Личность этого императора представляется им бесконечно загадочной и сложной. Константин, по словам Фогта, — «сфинкс исторической науки». Именно в поступках, мировоззрении, даже в состоянии психики Константина ищут эти историки объяснение важнейших изменений в Римской империи его времени.

Другой вопрос, являющийся центральным для современной буржуазной историографии о Константине, — это вопрос о его отношении к христианству, теснейшим образом связываемый с его личностью, ибо, по мнению этих историков, превращение христианской религии из преследуемой в господствующую было обусловлено исключительно лишь личной склонностью Константина к христианству. Естественно, эти историки стремятся изобразить Константина христианским монархом, не уступавшим в своей религиозности любому средневековому правителю.

Глубокий кризис современной буржуазной историографии проявляется также в чрезвычайно ясно выраженной в названных работах модернизаторской тенденции. Эти историки пытаются «исторически обосновать» пропагандируемые в настоящее время империалистическими кругами идеи космополитизма и культа войны.

Пожалуй, с наибольшей отчетливостью взгляды современных западных историков по вопросу о положении в империи при Константине выразил Фогт¹, работа которого нашла положительную оценку у других буржуазных авторов².

Период правления Константина Фогт оценивает как завершение одной и начало другой эпохи. Фогт, как и ряд других историков, считает, что Константином завершается упадок античности и начинается христианское средневековье. Если, по его словам, Диоклетиан, пришедший к власти в обстановке всеобщего брожения, сумел силой навести порядок, не меняя основ государства, то Константин якобы перестроил общество на новых началах. Показательно, что вторая часть книги Фогта названа «Реставрация Диоклетиана», тогда как третья — «Революция Константина Великого». С Фогтом перекликается А. Альфельди, именующий Константина... «революционером в пурпуре». Немецкий историк К. Хенн утверждает, что Константин выполнил «всемирно-историческую миссию»: он заменил греко-римскую культуру христианской и заложил тем самым основы для нового исторического развития³. Точно так же и Н. Бэйз считает исторической заслугой Константина то, что он «привел во взаимодействие» языческую культуру, римскую традицию и христианство, комбинация которых «породила» Византийскую империю⁴. Превите-Ортон считает возможным говорить даже о «двойной революции», произведенной лично Константином: «первая револю-

¹ J. V o g t, Constantin der Grosse und sein Jahrhundert, München, 1949.

² См. статью N. S. B a y n e s в JRS, XLI (1951), стр. 155—158.

³ K. H ö n n, Konstantin der Grosse. Leben einer Zeitenwende, Leipzig, 1945, стр. VI.

⁴ N. H. B a y n e s and H. St. L. B. M o s s (editors), Byzantium, an introduction to East Roman civilization, Oxford, 1949, стр. XVIII.

ция заключалась в перенесении столицы империи в Византию, а вторая состояла в принятии христианства в качестве господствующей религии¹.

Чтобы возможно более отчетливо показать «революционный характер деяний» Константина, некоторые авторы подробно останавливаются на тяжелом положении Рима в предшествующую эпоху. Так Фогт пытается более или менее подробно выявить причины хозяйственного кризиса Римского государства, который зародился, по его мнению, еще в обстановке «благополучного» II в. Фогт обращает внимание на непроизводительность рабского труда, но главную особенность экономического развития Римской империи он усматривает в отсутствии достаточно емкого и постоянного рынка сбыта для промышленной и сельскохозяйственной продукции, вследствие чего, по его мнению, оказалось невозможным развитие «подлинного промышленного капитализма» (ук. соч., стр. 48 сл.). В обстановке хозяйственной неустойчивости состоятельные классы, по его словам, не были заинтересованы в развитии производства и, отказываясь от деловой активности, предпочитали предаваться удовольствиям. В результате в Риме отсутствовал дух предприимчивости и стремления к наживе, свойственный пуританам на заре нового времени и «породивший» капиталистическое хозяйство. Начавшийся по этим причинам упадок экономической и общественной жизни в империи, а также усилившиеся нападения варваров, по мнению Фогта, вынудили в конце концов императоров прибегнуть к установлению строгого контроля государства над хозяйством.

Фогт не оригинален в своей путаной «концепции» экономического развития Римской империи. Подобно другим буржуазным историкам², он придает решающее значение в упадке экономики империи сокращению емкости рынка и, по существу, проходит мимо подлинной причины, породившей кризис рабовладельческого хозяйства: невозможности развития производительных сил при господстве труда рабов. Одновременно Фогт, в духе М. Вебера, считает причиной возникновения капитализма появление соответствующего «протестантского духа». Полностью разделяя модернизаторские тенденции современной буржуазной историографии, Фогт (а равно и Хенн) толкует о «буржуазии» в древнем Риме.

Несколько иначе объясняет социально-экономический кризис поздней империи Хенн. Он на первое место выдвигает нападения германцев и других племен на Римское государство и проникновение их в его пределы. Это влекло ослабление единства империи, и без того расшатывавшейся изнутри. Необходимость постоянной обороны государства обусловила усиление влияния армии. В III в. римское государство было, по словам Хенна, «военным лагерем выбираемых войском императоров» (ук. соч., стр. 13). Разнузданная анархия одичавшей солдаты, — пишет этот автор, — погубила гражданские государственные учреждения; на смену «сенатским императорам» пришли «солдатские императоры». Бесчинства солдат и необходимость содержать огромную армию и послужили причинами всеобщего закрепощения сословий, постоянного роста налогов, подлинного ограбления государственных провинций. «Прострация, — пишет Хенн, — охватила широкие круги населения империи». Отсюда, по его мнению, проистекает упадок римской хозяйственной жизни.

Как видим, и Хенн, подобно Фогту, в своем объяснении экономического кризиса империи проходит мимо внутренних его причин, сводя претерпеваемые римским хозяйством изменения к источению его государством и армией. Приблизительно так же объясняет это явление и Превите-Ортон, придающий решающее значение в деле истощения экономических сил империи росту налогов и сопровождающим его злоупотреблениям государственных чиновников (ук. соч., стр. 23).

Игнорируя подлинную классовую сущность домината, названные историки стремятся представить императоров III в. простыми ставленниками армии, удовлетворяя-

¹ C. W. Previté-Orton, *The shorter Cambridge medieval history*, vol. I, Cambridge, 1952, стр. I.

² Ch. E. W. Walbank, *The decline of Roman empire in the West*, L., 1946, стр. 27 сл.

шими своей политикой якобы исключительно военщину. Для нынешних буржуазных западно-германских историков этот тезис приобрел принципиальное значение. Подчеркивая, что опорой римской императорской диктатуры была армия, ибо городская буржуазия Италии и провинций потеряла свое прежнее влияние и значение и была разорена, Фогт (ук. соч. стр. 27) замечает, что для современных немцев, после того как они наблюдали возникновение «авторитарного режима из демократических основ» (т. е. кризис Веймарской республики и установление гитлеровского фашизма), стало возможным более правильное понимание Римской империи, чем для историков кайзеровской Германии. Так делается попытка «подтвердить» исторической параллелью распространенную на Западе «теорию» о мнимой «невиновности» германской и американско-английской буржуазии в установлении фашистской диктатуры, которая представляла якобы лишь военные круги.

При характеристике обстановки в Римской империи во II—III вв. Фогт и Хенн утверждают, что различные народности, входившие в ее состав, постепенно теряли свою обособленность. Очевидно, понимая, что говорить о какой-либо экономической, этнической или языковой общности народностей Римской империи было бы нелепо, Хенн измышляет некое «чувство государственной общности» (ук. соч., стр. 28), которое, по его словам, развивалось у подвластных императорам племен и народностей. Римская империя, которая подавляла самостоятельное развитие входивших в нее народов, превращается под пером буржуазного историка в государство, якобы сильное привязанностью к нему подданных.

Однако даже современные буржуазные историки не могут не замечать того необычайно тяжелого бремени, которое возлагалось римским государством на его подданных; они с сокрушением говорят — правда, весьма бегло — о высоких налогах, о прикреплении куриалов и ремесленников, о зарождении колоната. Но правильно объяснить эти явления они не в состоянии: Фогт пишет об «огосударствлении хозяйства» (ук. соч., стр. 120), о полном подчинении экономической жизни общества интересам государства; он вообще весьма недалек от старой «фискальной теории» развития поздней Римской Империи, до крайности преувеличивающей роль государства в преобразовании хозяйства.

Как уже отмечалось, современные буржуазные историки преклоняются перед личностью Константина, который по-разному характеризуется отдельными авторами. Одни на первый план выдвигают его выдающиеся способности полководца и государственного человека. Другие находят в нем все качества «добротного христианина» и, как Пиганьоль, считают возможным сравнивать его с ... Карлом Великим и Людовиком Святым¹, объясняя противоречавшие подобной характеристике многочисленные совершенные им убийства, в том числе умерщвление жены и сына, либо необходимостью придерживаться изданных им законов (Фогт, ук. соч., стр. 255 сл.), либо греховностью его, от которой «никто не свободен»². Кроме того, Холсэппл старается объяснить жестокость Константина... его «балканским происхождением», ибо, как утверждает этот американский историк, «балканское крестьянство всегда отличалось свирепостью» (ук. соч., стр. 418). Бэйнз, имея в виду в первую очередь Константина, пишет: «Если когда-либо история знала сверхчеловека (superman), то его следует искать среди римских императоров IV в.»³. Наконец, в новой буржуазной литературе распространено мнение о Константине как о «демонической натуре», причем «демонизм» понимается в духе Ст. Цвейга как смесь гениальности с безумием, нечто мистическое и непознаваемое. Именно на «непознаваемости» личности Константина особенно настаивает новейшая буржуазная историография: так легче всего объяснить «внезапность» перехода язычника Константина на сторону христианства.

Развивая этот тезис, Фогт, равно как и другие авторы, без стеснения отдает бога-

¹ A. Piganiol, *L'empire chrétien*, P., 1947, стр. 27.

² L. B. Holsapple, *Constantine the Great*, N.—Y., 1942, стр. 442.

³ N. H. Baynes and H. St. L. B. Moss, *Byzantium*, стр. XIX.

тую дань религиозной мистике. Полностью разделяя в данном случае точку зрения Холсэппл¹, Фогт пишет, что «видение Константина накануне битвы перед Мульвийским мостом побудило императора перейти в христианство, ибо победа 312 года показала жизненную необходимость христианской религии» (ук. соч., стр. 170). Для того, чтобы убедить своих читателей в якобы «последовательно-христианской» политике Константина, эти авторы стремятся представить его в виде глубоко верующего христианина.

Известно, что союз с христианством, заключенный Константином, диктовался прежде всего политическими целями. Как отмечал Энгельс, «...честолюбивый Константин убедился, что принять эту бессмысленную религию — лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира»². Естественно, что те буржуазные историки середины XIX в., которые понимали реальную подоплеку религиозной политики Константина, не нуждались в легенде о мнимой искренней приверженности его к христианству; эту легенду создали церковники-панегиристы IV—V вв. и развивали католическое духовенство и папство в средние века. Так, Я. Бурхардт, книга которого об эпохе Константина вышла 100 лет назад, считал этого императора холодным политиком, «расчетливым эгоистом» и отрицал правдивость повествования Евсевия. Но такая трактовка Константина ни в коей мере не устраивает новейших буржуазных псевдоученых. Они не только некритически используют сочинения Евсевия, Лактанция и других, как это уже отмечалось в нашей литературе относительно Холсэппла, но даже пытаются полностью «реабилитировать» Евсевия, являющегося для них величайшим авторитетом по эпохе Константина. Полемизируя с Грегаром, который показал подложный характер «Жития Константина», приписываемого Евсевию, А. Альфёльди утверждает, что сочинения Евсевия являются «непогрешимым документом»³. Фогт также настаивает на том, что критика Евсевия была якобы «несправедлива» (ук. соч., стр. 245). Чтобы придать хоть какую-нибудь «научность» подобным утверждениям, эти авторы стремятся подкрепить их крайне натянутыми и сомнительными аргументами из области нумизматики, произвольно датируя сохранившиеся от времени Константина монеты и украшения.

Такое изменение во взглядах на христианских панегиристов продиктовано стремлением нынешних буржуазных историков изобразить отношение Константина к церкви в тех же самых красках, в каких это делали Евсевий, Лактанций и другие раннехристианские писатели.

В этой связи показательна работа проживающего в Англии венгерского буржуазного историка А. Альфёльди «Обращение Константина и языческий Рим», в которой он во многом повторяет точку зрения, высказанную им ранее. Задача, которую ставит перед собой Альфёльди, заключается, по его словам, в том, чтобы «обнаружить подлинный характер победы Христа». Автор осуждает тех исследователей, которые не придают значения христианским чудесам, «происходившим» при Константине. Альфёльди не сомневается в правдивости сообщения Евсевия о «чудесном явлении Христа» Константину. «Божественное откровение „Сим победиши“, — серьезно заявляет этот автор, — есть исторический факт, хотя он произошел лишь во сне» (I (ук. соч., стр. 18). «Действительность» этого чудесного явления, с точки зрения Альфёльди, доказывается тем энтузиазмом, с которым с тех пор Константин всегда боролся «за дело Христа и его церкви». Таким образом, видение «сына божия» и христограммы, по мнению этого мракобеса, оказало на Константина влияние, имевшее исторические последствия мирового значения.

Отныне, пишет Альфёльди, политика Константина заключалась в постепенной отмене язычества, так что в конце концов он порвал почти все нити, связывающие его

¹ См. ВДИ, 1950, № 1, стр. 171.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 603.

³ A. Alföldi, The conversion of Constantine and pagan Rome, Oxford, 1948, стр. 2.

с римскими традициями, и начал открытую борьбу против старых религий. Толчок к этой «революции» дала якобы божественная сила; главными движущими факторами были, по мнению Альфёльди, личный «революционный» характер Константина, глубокая приверженность его к христианству и уверенность в том, что он является избранником божьим, равным апостолам (ук. соч., стр. 35). Свою «концепцию» о влиянии христианства на Константина Альфёльди кратко резюмирует в следующих словах: «Наиболее могущественный человек на свете склоняется к вере во Христа и, прежде чем он окончательно в нее переходит, получает знак во сне и удостоверяется в могуществе христового имени... тогда он принимает христианство и постепенно делает его основой всей своей концепции государства» (ук. соч., стр. 28).

С некоторыми оговорками точку зрения Альфёльди принимает и английский историк Превите-Ортон. Последний полагает, что принятие Константином христианства в качестве господствующей религии было вызвано прежде всего «внутренним религиозным чувством» императора, однако при этом Константин подчинялся также и «политической необходимости» (ук. соч., стр. 14).

Прибегая к подтасовке фактов, Альфёльди, Холсэпл, Фогт умышленно отбрасывают все данные, противоречащие их взглядам. Так, они игнорируют факт длительной сохранности в империи Константина культа солнца, обходят молчанием связь императора с неоплатониками и т. д.

Исходя из положения о том, что уже в 312 г. Константин являл тип «идеального христианина», названные авторы утверждают, что впоследствии он, «чувствуя божью защиту и помощь», твердой рукой создавал условия для соединения государства с церковью, видя в этом свою важнейшую задачу. Религиозная политика Константина, пишет Фогт, явилась первой всемирно-исторической проверкой возможности установления союза между государством и церковью, и она показала целесообразность этого союза. Церковь придает «прочность» государству — вот идея, особенно дорогая буржуазным фальсификаторам истории Римской империи, разглагольствующим о вредности и «нелепости» отделения церкви от государства¹. Объединение буржуазного государства с католицизмом в крестовом походе против демократии и прогресса — желанная цель современных империалистов, использующих папство в качестве важного оружия своей реакционной политики, и естественно, что подобный союз всячески превозносятся буржуазными историками.

Воспевая религиозную политику Константина, Альфёльди и Фогт не стесняются выступать с рядом ханжеских утверждений. Альфёльди усматривает глубочайшее отличие от принципата окончательно оформившегося при Константине домината в том, что в то время как принципат, по его словам, имел «правовой строй и правовую основу», доминат покоился якобы на «чувстве благоговения в сердцах людей» (ук. соч., стр. 11). Фогт пишет, что, руководствуясь христианским вероучением, Константин сумел совершенно преобразовать Римскую империю и вдохнуть в нее новую жизнь. В результате деятельности Константина, по словам Фогта, универсальная монархия стала бок о бок с универсальной церковью (ук. соч., стр. 192), и сотрудничество их повлекло за собой целый ряд «благодеяний» для населения империи. Признавая, что при Константине тяжелые налоги сильно угнетали римских подданных, а злоупотребления и притеснения со стороны магнатов довершали их разорение, он с удовлетворением отмечает, что в созданной этим императором «христианской империи» высшей нормой отношений была «заповедь любви к ближнему», «потустороннее блаженство» считалось конечной целью существования, а «грубый материализм» был подорван (ук. соч., стр. 267).

Более того, Фогт провозглашает великой заслугой Константина то, что он, соединив государство с христианской церковью, вывел Римскую империю из состояния заботы исключительно о земном; христианское учение о бессмертии души имело, по его словам, огромное положительное значение для всего дальнейшего развития чело-

¹ Ср. E. Schwartz, Charakterköpfe aus der Antike, Lpz, 1950, стр. 293.

вечества (ук. соч., стр. 267, 269). Забота исключительно о земном, интерес народных масс к действительной жизни — опасны для господствующих классов, и в этом смысле Константин, пытавшийся с помощью христианской церкви прикрыть социальную борьбу империи богословским одеянием, несомненно заслуживает в глазах ученых лакеев буржуазии всяческого почтения. Как видим, борьба против «грубого материализма» прямой дорогой приводит буржуазного историка Фогта в болото поповской реакции.

Игнорируя классовую борьбу в Римской империи в IV в., Фогт, Хенн и другие историки с большим интересом останавливаются на религиозной борьбе при Константине, в особенности на донатизме и арианстве. Константин изображается ими в качестве ученого богослова, всецело поглощенного религиозными вопросами, заинтересованного в примирении спорящих сторон и установлении единства вероучения. Социальное содержание религиозной ереси эти историки в расчет не принимают.

Утверждая, что Константин будто бы защищал плебс от произвола магнатов, Фогт повторяет вместе с тем избитую басню о том, что христианство содействовало смягчению положения рабов в Римской империи, в результате чего наряду с рабством стало развиваться крепостничество, которое в конце концов совершенно его заменило. Повидимому, Фогту ничего неизвестно о том, что христианская церковь не имела никакого отношения к ликвидации античного рабства, существование которого она в течение целых столетий оправдывала, так же как она мирилась с пережитками рабства в средние века и с торговлей неграми на заре капиталистического строя.

По мнению Фогта, Хенна и Шварца, Константин придал зданию «мировой империи» форму, которая якобы наполнила германцев и славян «благоговейным восхищением» и оказала «мощное воздействие на их собственные политические организации» (Шварц, ук. соч., стр. 293). Повидимому, именно это «благоговейное восхищение» и послужило причиной разгрома «варварам» Римской империи. Названные немецкие историки, подчеркивая преемственность между прославляемой ими империей Константина и средневековой германской «Священной Римской империей», тем самым выступают с апологией последней. В этом отношении они идут дальше даже тех фашистских идеологов, которые видели в империи Оттона I и Фридриха Барбароссы прямой прообраз гитлеровского «третьего рейха», теперь и у средневекового рейха обнаруживается «прообраз» — империя Константина! Солидаризируясь с фашистскими писателями, Фогт видит величие Константина в том, что он якобы положил начало проникновению в Римскую империю пресловутого «германского духа»: возрождение милитаризма в послевоенной Западной Германии сопровождается возвратом ее империалистических идеологов к расистской теории.

Как видим, в большинстве разбираемых работ Константин выступает в роли творца истории; его воля, утверждают авторы этих работ, имела огромное историческое значение, причем она ни в малейшей мере не была обусловлена действительной обстановкой. Если, по Хенну, Константин является «новатором и смелым реформатором большого размаха», то Фогт утверждает, что из рук этого «творца изменений в ходе истории» вышли все государственные и общественные учреждения, преобразованное христианство и многое другое. Он пишет далее, что «Византийская империя во всех своих существенных чертах оставалась константиновской» (ук. соч., стр. 264).

Столь же восторженно расписывают деятельность Константина и некоторые другие из названных историков. Это преклонение новейших буржуазных идеологов перед личностью «могущественного императора» IV в. вызывается, в первую очередь, тягой современной буржуазии к открытой диктатуре, идеальным носителем которой им представляется Константин. В первом издании своей книги, вышедшем в Германии в годы гитлеровского режима, Хенн указывал на «многочисленные поразительные параллели» между эпохой Константина и современностью, намекая на фашистскую диктатуру. Недаром, издавая свою работу вновь в 1945 г., он поспешил изъять соответствующую фразу, очевидно, считая неудобным оставлять ее после падения «третьей империи»; однако его американский коллега Холсэппл повторяет буквально то же самое.

Постоянно на разные лады восхваляется космополитизм Константина и его мо-

нархии. Эпиграфом к одной из глав своей книги Хенн выбрал слова протестантского богослова А. Гарнака: «Союз между христианской церковью и государством поднял цивилизованное человечество на более высокую ступень... Подлинный космополитизм, идея духовной свободы, равенства и братства впервые получили силу на этой основе...». В перенесении Константином столицы империи в Византию Хенн видит осуществление давно имевшей хождение в Риме идеи «наднационального государства», которое воплощало бы «братство всех людей» (ук. соч., стр. 147).

Мотив о соответствии универсальной христианской церкви столь же универсальной империи Константина разрабатывается и другими авторами. Альфельди устанавливает прямую связь между космополитизмом Константина и его склонностью к христианству. Главным врагом Константина, борющимся против его политики объединения христианской церкви с империей, был, по словам Альфельди, римский языческий сенат, отстаивавший старинные традиции Рима. При этом современный буржуазный историк всячески превозносит христианский космополитизм Константина. Такую же позицию занимает и Эльбэ, утверждающий, что «римский партикуляризм и ревнивый, исполненный презрения национализм были совершенно противоположны христианскому духу универсальности, который Константин пытался утвердить в мире».¹ Пиганьоль ищет корни враждебного отношения Константина к римским языческим богам в «наследственной ненависти иллирийского варвара к своим завоевателям — латинянам». Этим, по его мнению, был подготовлен разрыв с римской традицией и переход к универсальной христианской империи, ибо Константин, как и христиане, «не имел родины»².

В свою очередь, Холсэпл восхваляет «всеобъемлющую» монархию, восстановленную Константином, ибо, по его словам, «только объединенная Европа была способна противостоять натиску варваров и, повидимому, будет способна его сдерживать в настоящее время и в будущем» (ук. соч., стр. 173 сл.).

Так мнимый «академизм» темы, казалось бы, весьма далекой от современности, нисколько не мешает буржуазным историкам протаскивать новейшие реакционные теории, потребные империалистам. Фогт выдал подлинную сущность идеи космополитизма, столь дорогой для современной буржуазии: по его мнению, когда Константинополь стал столицей христианской империи, началась «новая фаза в развитии идеи мирового господства» (ук. соч., стр. 223). Осуществление мирового господства — вот что на самом деле кроется за космополитическими устремлениями агрессоров как древности, так и новейшего времени.

Если указанные историки как-либо и мыслят себе историческую обусловленность деятельности Константина, то, очевидно, лишь в следующем виде: на римском императорском престоле оказался человек без родины и национальных традиций, лишенный чувства «узкого» патриотизма и привязанности к языческим богам, который вследствие этих своих качеств, а также с помощью чуда, с легкостью воспринял космополитическое христианство и при его содействии создал универсальную монархию. Нетрудно видеть, как много вкладывается в эту характеристику императора древности от качеств нынешних американизированных западноевропейских политических деятелей.

Видное место в книгах современных буржуазных историков о Константине занимает проблема основания новой столицы империи. Уже отмечалось, что перенос центра государства в Константинополь расценивается некоторыми из них как разрыв с римской языческой традицией и основание христианской империи. Все же отдельные исследователи не отрицают, что, укрепившись на Босфоре, Константин преследовал политические цели. В противоположность этому Холсэпл, защищающий последовательно клерикальную позицию, настаивает на том, что перенос столицы в Константинополь был вызван религиозными, а не какими-либо иными мотивами (ук. соч., стр. 305). Результатом этого мероприятия Константина были, по мнению Холсэпла, церковный раскол и возникновение ситуации, которая явилась «...одной из причин пер-

¹ J. d'Elbée, Constantin le Grand, Paris, 1947, стр. 281.

² A. Piganiol, L'empereur Constantin, P., 1932, стр. 220, 223.

вой мировой войны и до сих пор оказывает разрушительное воздействие на единство Европы». Оказывается, «проблема проливов» зародилась в IV в.! Американский историк не упускает случая подчеркнуть «глубокие исторические корни» антагонизма между «Востоком» и «Западом», восходящего, по его мнению, еще к Константину.

Несмотря на значительное сходство буржуазных историков во взглядах на ряд основных проблем истории поздней Римской империи, эти историки, тем не менее, подчас пытаются создать некий «константиновский вопрос» и утверждают, что их разделяют серьезные противоречия. Так, Бэйзз сокрушенно говорит о том, что «нет общей договоренности относительно политики, достижений и характера Константина» (JRS, XLI (1951), стр. 156 сл.). В таком же плане выдержана недавняя статья А. Пиганьоля о «современном состоянии константиновского вопроса», в которой он оспаривает точку зрения Альфёльди и Фогта¹. В чем же состоит сущность разногласий между этими исследователями? В то время как Фогт и Альфёльди изображают Константина в виде законченного христианина, Пиганьоль берет это утверждение под сомнение. Однако, справедливо указывая, что его противники тенденциозно подбирают указания исторических источников и обнаруживают пристрастие к описываемому ими сюжету, Пиганьоль не в состоянии противопоставить им какую-либо действительно иную точку зрения, так как он полностью согласен со всеми их основными выводами.²

Охарактеризованная литература являет наглядный пример кризиса современной буржуазной историографии, отражающей вкусы реакционных империалистических кругов Западной Европы и Америки. Мы видели, что интерес нынешних буржуазных историков к Константину и его времени далеко не случаен. В личности этого императора они видят образец диктатора, носителя «сильной власти», создателя «надежного правопорядка» — величайших благ, с точки зрения буржуазии, теряющей почву под ногами. Но Константин для этих ученых — не просто создатель «прочного государства», просуществовавшего якобы в неизменном виде еще тысячу лет, а основатель универсальной, «наднациональной» космополитической империи, принципом которой эти историки считают отказ от местных традиций и «национального узкого патриотизма». Так Константин превращается в первого творца такого типа государства, которое, по их словам, содержало в себе прообраз «Соединенных штатов Европы», «европейского сообщества» и тому подобных, проектируемых ныне американскими империалистами, форм превращения Западной Европы в свою колонию. Недаром эти историки усматривают «массу сходного» между эпохой Константина и современностью.

Всячески восхваляя Константина, новейшие буржуазные историки превращают этого императора, пытавшегося использовать все силы Римской империи для укрепления расшатывавшегося и дряхлевшего рабовладельческого строя, в величайшего «революционера». Установление военной диктатуры, подчинение общества интересам узкой господствующей клики, усиление угнетения и эксплуатации трудящихся масс, постоянный рост налогов и непрекращающееся увеличение вооруженных сил — не случайно вызывают живой интерес у современных буржуазных историков Константина. Изгоняя из своих исследований анализ социально-экономических отношений в Римской империи III—IV вв., эти историки заявляют, что главное значение этой эпохи — религиозное. Так в «творчестве» буржуазных «ученых» находит свое воплощение союз империализма и Ватикана.

А. Гуревич

¹ A. P i g a n i o l, L'état actuel de la question constantinienne. 1939—1949, «Historia», I (1950), 1.

² См. он же, L'empire chrétien, P., 1947.